

НИК ПЕРУМОВ

АЛМАЗНЫЙ МЕЧ, ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ

ТОМ 2

Летописи разлома

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

**Алмазный Меч,
Деревянный Меч. Том 2**

«Феникс»

1998

Перумов Н.

Алмазный Меч, Деревянный Меч. Том 2 / Н. Перумов —
«Феникс», 1998 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-37079-7

В Империи Мельина, где дискриминируются малые расы, такие как Дану, эльфы, гномы и орки, на троне сидит молодой Император, но фактическая власть в руках Магов – членов семи орденов Радуги. Император Мельина развязывает войну против магических орденов, не подозревая, что он сам марионетка Неназываемого, грозного существа из-за пределов Упорядоченного. В это время Агата из племени Дану становится носительницей Деревянного меча Иммельсторна – единственной надежды её поработанного народа. А гном Сидри добывает древний артефакт своих братьев – Драгнир, Алмазный меч. Если эти два «брата» сойдутся в бою, Мельин погибнет... Должен найтись смельчак, который попытается остановить это безумие и встанет между великими силами. Им оказывается маг-недоучка, воин Серой Лиги Фесс. В последний момент он завладевает Мечами и проваливается вместе с ними через Разлом в другой мир. За всем этим из-за пределов Вселенной наблюдают странные козлоногие существа...

ISBN 978-5-222-37079-7

© Перумов Н., 1998

© Феникс, 1998

Содержание

Часть вторая	5
Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ник Перумов

Алмазный Меч, Деревянный Меч. Часть 2

Часть вторая

Глава первая

– Ушёл! Ушёл. А я проморгала, проворонила, дура старая! – Клара Хюммель в ярости пнула ни в чём не повинную табуретку. – Мой грех, Аля, недоглядела! Недооценила. Твой петушок, оказывается, куда крепче, чем я думала. Сбежал! Сбежал и портал запечатал! Знал, негодяй, что мы кинемся его искать. Не пожалел отцовского амулета, только б нас с толку сбить!.. – Силы великие, Клара, что же теперь делать? – простонала тетушка Аглая, обхватив голову руками.

Просторная поварня носила на себе следы безудержного гнева боевой волшебницы – пара чёрных пятен гари на стенах, куда Клара в запале всадила по молнии, бесформенные груды посуды и утвари, сметённые со своих мест, вздыбившиеся в дальнем углу плиты пола. По потолку очумело металось какое-то существо: не то муха, не то паук размером с кошку; его Клара сотворила мимоходом, после чего некоторое время прицельно расстреливала огненными шарами.

– Что теперь делать? – Клара бухнулась в деревянное кресло, задрала обтянутые кожаными лосинами ноги на стол и принялась набивать трубку. – Ничего не сделаешь, Аля. Он уже, наверное, в Мельине. А там его сам Архимаг не найдёт. Не город, а крысятник – столько всяких ходов, подземелий, катакомб...

– Но, Клара, мальчик же...

– Всё понимаю! – Волшебница зло зыркнула на подругу. – Не надо только ничего говорить, Аля. Ну что ж... придётся мне отпраляться в гости к Сежес и иже с ней. Работа предстоит немалая... Кэрли у нас парнишка способный.

– Ой, Клара, ой, спасибо тебе...

– Rhobuar reacyl! – по-гномы выругалась волшебница. Тётушка Аглая тотчас залилась румянцем.

– Клара, ты что, такие слова...

– Тут иначе и не скажешь, – пробурчала Хюммель. – Ладно. Скоро-споро снаряжусь, в путь-дорогу я пущусь... Прощай, Аля. Не печалься. Думаю... через недельку я твоего ненаглядного племянничка хоть связанным, но притащу. Не надо, не надо, не охай и не благодари! А то обижусь.

...Она уже подходила к своему дому – почти в самом сердце Долины, на берегу Круглого Озера, когда её внутреннего слуха слегка коснулся мягкий, осторожный и деликатный зов:

– Клара, прости, что отвлекаю ...

– *Моё почтение, господин Архимаг!* – Клара мгновенно подобралась.

– *Военная косточка,* – вздохнул тихий голос Игнациуса. Могущественнейший волшебник терпеть не мог войн и всего с ними связанного. К Гильдии боевых магов Игнациус всегда относился с плохо скрываемой брезгливостью. Единственное исключение было сделано для Клары Хюммель. – *Перестань тянуться, Клара, мы не на плацу. Извини, что отрываю от важных дел, но тебя не слишком бы затруднило уделить мне пять минут для частной беседы?*

– *Пять минут? А мы успеем?* – не удержалась волшебница.

– *Клархен* ... – укоризненно, словно наставник расшалившейся девчонке, заметил Архимаг.

– *Прошу прощения, господин Игнациус*, – ележно пропела Клара. – *Уже бегу. Немедля. Теряя по дороге части туалета* ...

– *Клара* ... – продолжал расстраиваться чародей. – *Ну когда ты наконец повзрослеешь* ... Несмотря на то что возраст Клары перевалил за три сотни, Игнациус имел все основания обращаться к ней, как к девчонке. Сам-то он был раз эдак в десять постарше.

Архимаг, некоронованный король Долины, жил скромно. Дом его стоял в центре посёлка, возле Рунного Камня, намертво вросшего в землю на берегу озера.

Каблуки Клары постукивали по тщательно выметенным и вымытым за ночь тротуарам – гоблины-дворники знали, что последует, если на идеально чистых улочках Долины окажется хоть одна соринка. Волшебница шла мимо утопающих в зелени домов – почти настоящих дворцов, с мраморными статуями, колоннадами, портиками, ротондами, эркерами и прочими архитектурными ухищрениями. Здесь жили чародеи Гильдии целителей, и заказы они принимали самое меньшее от принцев крови.

В Долине всегда стояла хорошая погода: царило вечное лето, нежаркое, ласковое, земля в окрестностях давала три урожая в год, возделываемая руками арендаторов, собравшихся сюда из множества разных миров. И нелегко, ой как нелегко было получить вожаденный надел бедолагам, что сумели добраться до сторожевых застав!..

Но о них Клара Хюммель никогда не думала. Она даже не замечала их поклонов – низких и раболепных. Те, чьим трудом и процветала Долина, для Клары ничего не значили. Она была боевым магом, и этим всё сказано.

Дом Архимага Игнациуса отделяла от улицы невысокая изгородь, вся увитая тёмно-зелёным плющом. Сам дом, небольшой, двухэтажный, с башенкой обсерватории на крыше, казалось, скорее подошел бы средней руки купцу, чем могущественному чародею, способному гасить и вновь зажигать звёзды.

Клара отворила скрипучую калитку. Слуг Игнациус не держал, всё необходимое по дому делал сам или с помощью магии, и, конечно, до несмазанных петель руки у него никогда не доходили.

– *Клархен!* – Архимаг уже стоял на крыльце, приветствуя гостью. Совершенно седой, смуглый, впалые щеки, нависший над тонкогубым ртом крючковатый, как у ястреба, нос. – *Нет-нет-нет...* – Он сердито нахмурил кустистые брови, но Клара, в полном соответствии с этикетом, уже стояла на одном колене, приложившись к сухой старческой ладони.

– Ты что, ты что, вставай немедленно! – всполошился Игнациус. – Знаешь ведь – я этого не люблю...

– Что ж я могу поделать, владыка, – тихонько ответила Клара, и в самом деле ощущая себя в этот миг простой девчонкой, только-только окончившей Приготовительные классы Академии. – Как еще я могу выразить свое уважение?

– Выражай как-нибудь иначе, – буркнул Игнациус, в смущении поглаживая белоснежную, как и положено магу, бороду. – Проходи. У меня к тебе серьёзный разговор.

Дом Игнациуса изнутри очень походил на своего хозяина. По углам застыла тяжёлая мебель чёрного дерева – буфеты, шкапы (не шкафы, а именно *шкапы*, по мнению Клары, куда более древние, чем сам Игнациус); стены до середины были покрыты резными панелями драгоценного каменного дуба, выше – кремовые тканые шифоны. Едва волшебница и Архимаг шагнули за порог, дверь мгновенно и бесшумно захлопнулась.

Клара почувствовала едва ощутимую теплую струйку, коснувшуюся щеки. Игнациус ставил защиту, да такую, что пробить её не смогли бы все обитатели Долины, возникни у них такая безумная мысль.

– Пройдём в кабинет. – Архимаг учтиво посторонился. Резные створки сами собой раскрылись перед волшебницей.

В кабинете Игнациуса царил строгий, почти маниакальный порядок. Бумаги, свитки, книги, манускрипты, глиняные таблички, берестяные грамоты – всё на своих местах. Единственное окно закрывала внушительной толщины решётка.

Игнациус задернул шторы.

– Не хочу, чтобы нас видели, – неожиданно сказал он.

Клара едва не поперхнулась от неожиданности.

– Но кто?..

– Есть теперь и такие, – строго сказал волшебник, садясь в знаменитое свое кресло, сделанное из черепов чудищ, в разное время поверженных Архимагом. – Ты спросишь – кто они такие?.. Пришедшие с Границы, Клархен, пришедшие с Границы.

– Почему же мы тогда бездействуем?! Устроить облаву и выловить всех мерзавцев до единого! – Клара стиснула кулаки.

– Дорогая моя, ты мыслишь чересчур прямолинейно... как истинный боевой маг, и это меня несколько огорчает. – Игнациус нацелился в Клару длинным сухим пальцем с отращённым жёлтым ногтем. – Я поставил защиту, потому что всякий знает – без оной я разговариваю разве что с зеленщиком или молочником. Отсутствие защитных заклятий показалось бы подозрительным. Нет, всё должно быть как всегда. Сейчас я встану и задерну штору. Тоже как всегда.

Кабинет погрузился в сумрак. Некоторое время Архимаг молчал, положив острый подбородок на сцепленные пальцы рук и пронизательно глядя на Клару.

– У меня к тебе просьба, милая Клархен. Нет-нет, погоди, не надо высокопарных слов. Я знаю... м-м-м... у твоей подруги, Аглаи Стевенхорст, есть некоторые интересы в Мельине, которым... м-м-м... которые тебе также небезразличны, – закончил он почти смущённо. – Извини, ты ведь знаешь, я терпеть не могу лезть в чью-то личную жизнь, но...

– Я готова исполнить любое повеление. – Волшебница склонила голову. Игнациус поморщился.

– Перестань, девочка. Это не повеление. Это просьба. Потому что, имей я что приказать – будь уверена, вся ваша Гильдия в полном составе отправилась бы его выполнять. Но я не имею. Приметы смутны, предсказания расплывчаты, гадания противоречат одно другому. Ясно только одно – твари с Границы уже здесь. Они проложили тропку в наш мир... и теперь ждут только подходящего момента. Ты спрашивала – почему не выследить мерзавцев? Да, это было бы неплохо. Только это ведь не вторжение, Клара. Пока не вторжение.

Мне нужен разведчик в Мельине. Там творится нечто донельзя странное. Даже мои чары бессильны явить картину происходящего. Я прошу тебя отправиться в Мельин, но – ради всего святого – ни во что не вмешиваться. Слепые силы, держащие в равновесии все Упорядоченное, очень чувствительны. Растревожить их очень легко, а вот потом успокоить – куда как труднее. Впрочем, ты всё это знаешь не хуже меня. Разберись, что там такое, кто с кем схватился, почему и во имя чего. И возвращайся. Очень желательно – целой и невредимой. – Игнациус вздохнул.

– А что может быть нужно... этим тварям с Границы? – спросила Клара. – Мы враждуем давно, наверное, с сотворения Мира, но...

– Я не знаю. – Игнациус покачал головой. – Если бы эти бестии были слугами Великого Хаоса... тогда всё ясно. Смерть, разрушение, низведение всего до уровня Первоначального. Однако эти совсем иные. Я чувствую их присутствие. Но не более. Себя они ничем не проявили – по крайней мере здесь, в Долине. Единственный мир, где, как мне кажется, они уже действуют, – это Мельинская империя. Я прошу тебя отправиться туда. В одиночку. Эти твари хитрее и осторожнее крыс.

– Я должна...

– Клархен, деточка, ты должна увидеть их. Хотя бы одну. Ничего больше. Упаси тебя Творец пытаться захватить их или паче чаяния ввязываться с ними в драку. Они тогда просто уйдут, а мы так и не отыщем прогрызенной ими дырки. Следующий раз они пройдут дальше и легче. Тебе всё понятно?

– Да, – смиренно сказала волшебница. – Но, владыко, неужели в таком важном деле ты полагаешься только на...

– Конечно, нет, милая Клара, – сухо зато ответил маг. – Конечно же, нет.

* * *

«Кажется, на этот раз ушёл чисто», – подумал Кэр. Он пробирался через заболоченную низину уже добрых три часа, и непохоже было, что Кларе удастся его достать. Заклятие оказалось нацелено не совсем точно, Кэра выбросило милях в пяти к западу от Мельина, в самом сердце глухого Ведьминога Леса. Название сохранилось ещё с тех времен, когда только-только набравшее силу Семицветье огнём и мечом искореняло неподвластную ей магию. По слухам, именно здесь совершались жуткие обряды, захваченные «ведьмы» – то есть умевшие хоть сколько-нибудь колдовать женщины – приносились в жертву неведомым богам. В Долине болтали, что этот, без сомнения, варварский метод оказался тем не менее довольно-таки действенным.

С тех пор прошли века. Лес залечил раны. На месте алтарей, жертвенников и кострищ поднялась новая поросль. Однако, несмотря ни на что, камни и корни крепко хранили память.

Здесь, в Империи, ночь вот-вот должна была вступить в свои права. Среди могучих столетних лесных исполинов духи воздуха ткали мягкую вязь туманных покрывал. Кэр поёжился – вечер выдался прохладным, а использовать магию он не хотел. Плотнее закутался в плащ, поудобнее перехватил глефу. Ведьмин Лес пользовался дурной славой. Императоры – и отец нынешнего, и дед – не раз поговаривали, что, дескать, неплохо бы его вырубить совсем, но каждый раз противилась Радуга. Насколько мог судить Кэр, здесь было нечто вроде заповедника. Именно в Ведьмин Лес отправлялись охотничьи экспедиции семи Орденов, когда требовалось пополнить запасы в зверинцах. По изобилию водившихся здесь мерзких тварей Ведьмин Лес дал бы фору даже зловещим северным чащам. И сейчас юноша ощущал чужое присутствие, жадные глаза следили за ним из-под корней, чьи-то носы алчно ловили его след на земле, а там, с вечеряющего неба пару раз донеслось хлопанье явно не птичьих крыльев.

Разумеется, никто бы не потерпел в самом сердце Империи такой рассадник чудищ, если б не Радуга. Кэр краем уха слышал, что сюда, в Ведьмин Лес, отправляли приговорённых к смерти. Особенно если приговорённые отличались знатностью происхождения.

Правда, он до сих пор шел как по ровному. Никто не дерзнул заступить ему дорогу. С одной стороны, это, конечно, радовало, но с другой – неужели ж от него так несёт силой Долины, что даже неразумная нечисть Ведьминога Леса спешит убраться от греха подальше?

По его расчётам, до края Леса оставалось идти ещё с час. Немного. Ещё полчаса через поля и выгоны – и он окажется на большаке. Едва минет полночь, будет в Мельине. И тогда...

Он взмахнул глефой, перерубив какой-то канат, подозрительно мягко упавший сверху прямо перед его лицом. Брызнула горячая кровь, корчащееся змеиное тело свалилось под ноги, окутываясь багровым паром.

Первый привет от Ведьминога Леса.

Кэр даже не нагнулся посмотреть добычу. Перешагнул и двинулся дальше.

Из чащи на него смотрели нечеловеческие глаза. Слишком пристально и внимательно даже для полуразумного зверя.

Однако ему дали уйти невозбранно.

Змея так и осталась единственным чудищем, встретившимся в Ведьмином Лесу. Как он и рассчитывал, через некоторое время деревья наконец расступились, он очутился на неширокой полоске ничейной земли, заросшей буйным прутняком. Однако даже крестьянские козы – ни-ни! – никогда не забредали сюда поглотать веток.

Брести через выгон пришлось довольно долго. Вскоре впереди тускло замерцал огонёк – напрягшись и пустив в ход самую малость магии, Кэр разглядел каменную казарму, обнесённую самой настоящей стеной с бойницами. Две угловые каменные башенки, судя по всему, предназначались для лучников. Между бойниц то и дело поблёскивал огонь.

Легионеры. Кэр с досады хлопнул себя по лбу. Болван! А он-то ещё радовался, что его забросило в столь глухие места! Конечно же! Разбросанные вокруг Ведьминого Леса манипулы Восьмого легиона, взявшие в кольцо гнездовье столь любезных Радуге чудовищ. И, разумеется, доверяют они не собственным глазам, а охранным закланиям, наложенным той же Радугой. Счастье ещё, что Кэр не пересёк границы. А то бы уже пришлось иметь дело с легионерами, убивать которых ему вовсе не улыбалось.

Некоторое время он потратил на то, чтобы отыскать сторожевые нити. И уже приготовился аккуратно закольцевать одну из них, когда...

Восточный край небосвода озарила мрачная алая вспышка. Мгновением позже раздался громopodobный удар, ещё чуть позже налетел горячий ветер, заставляя Кэра спрятать лицо в ладонях.

Ветер был полон злой магии.

Кэр услышал крики. Сейчас все легионеры, что только были на заставе, выскочат на крышу смотреть. Хотя чего там смотреть? Ясно и так – в Мельине пошла в ход самая изощрённая, самая мощная боевая магия Радуги.

Как Кэр и предвидел.

Он быстро, двумя кинжальными закланиями перерезал незримые нити «тревожки» и, не скрываясь, в полный рост зашагал дальше. Ждать больше нельзя. К утру от Мельина останутся только груды пылающих развалин.

«Ты должен успеть, ты должен успеть», – твердил он про себя, шагая по большаку. – Пусть мне ещё неясно, что делать, но успеть я должен. Эх, эх, мне сейчас бы того крылана!..»

Ночной тракт был пуст и мёртв. На востоке всходила луна, однако её лик едва можно было различить – невидимый во мраке, впереди поднимался исполинский столб дыма.

А снизу его подсвечивало тускло-багровое зарево.

Мельин горел.

Воин Серой Лиги (в ней Кэра, одного из лучших разведчиков, знали под именем Фесс) остановился.

«Кажется, пора перестать играть в игрушки».

Он на ощупь вытащил из заплечного мешка маленькую вещицу – оправленный в бронзу кусок янтаря с окаменевшим скорпионом внутри. На первый взгляд – ничего особенного, дешёвая побрякушка; однако Фесс знал, каких трудов и какой крови стоило его отцу добыть эту безделушку на Заокраинном Западе, в тех странах, где никогда не заходит солнце.

Этот предмет способен был в один миг переправить его куда угодно, в любое место ведомой и неведомой Ойкумены, притом Фессу не грозило очутиться в самом сердце скалы или напороться на дерево. Другое дело, что силы талисмана быстро иссякали, а возобновить их можно было либо в Долине, либо там, где сделали оберег.

Фесс сжал его в правом кулаке. Повернулся лицом к едва-едва тлевшей на дальнем горизонте зеленоватой закатной черте – и медленным речитативом начал заклинание.

Полились неторопливые звуки древнего языка, рождённые в эпоху столь древнюю, что по сравнению с ним казалось юным даже светило. Смысл этих строк давно забылся, отец Фесса,

прежде чем погибнуть, провёл немало времени, тщась расшифровать загадочные слова. Безуспешно.

Слоги звучали, точно гулкая медь старинных колоколов. Мир вокруг стал внезапно болезненно, пронзительно чётко; все оказалось словно залито бледным лунным светом, но настолько резким и сильным, что разглядеть можно было даже самую мелкую песчинку под ногами. Все предметы предстали как бы в особицу, не заслонённые, не затенённые другими. Пространство меж ними исчезало, пожираемое невесть откуда рванувшейся Тьмой.

Так всё и застыло – на грани света и мрака. Фесса окружали тени-призраки деревьев, ноги его попирали серый труп дороги, завёрнутый в саван из пыли, а потом в самой глубине обступившей воина темноты родилось какое-то движение.

Фесс не выдержал – вздрогнул. Ни о чём подобном записки отца не говорили.

Тьма раздёрнулась, словно театральный занавес. И прямо на Фесса разъяренными алыми глазами-буркалами глянула знакомая уже физиономия козлоногого ночного гостя.

– Ты!.. – загремело в ночи. – Как смел ты, червь...

Откуда-то из-под взметнувшейся полы плаща тянулась уже к добыче длинная когтистая лапа, не имевшая ничего общего с человеческой плотью.

Каким-то поистине сверхусилием Фесс удержал готовую вот-вот прорваться под натиском безумного страха плотину в своём сознании. Всё, что он сейчас мог, – это сохранять до предела натянутую сеть заклятья. Пошевелить рукой или ногой значило остаться как раз без этой самой руки или ноги. Он не мог даже говорить. Все слова, какие можно, давно уже сказаны.

Когти тянулись, тянулись, тянулись...

Однако и само заклятье работало. Лапа козлоногого никак не могла добраться до Фесса – расстояние меж ними всё увеличивалось и увеличивалось, хотя воин по-прежнему не делал ни одного шага и вообще не шевелился. Пространство само рвалось навстречу козлоному, и его сила не могла превозмочь власть древней магии.

Серый полусвет вокруг стянулся в тугий непрозрачный кокон. Исчезли деревья, исчезла дорога, исчез козлоногий; только чёрная, поросшая какими-то не то лишайниками, не то полугнившим мехом лапа неподвижно застыла, в бессильной угрозе вознеся кинжалы когтей.

А кокон уже разматывался...

Внутри хлынул трепещущий алый отсвет пожаров.

Фесс был в Мельине.

И у ног его валялась жуткого вида костлявая лапа козлоногого, с корнем выдранный из сустава.

* * *

Агата открыла глаза, мимоходом удивившись тому, что до сих пор жива. Заклятье, которым воспользовался Верховный маг Арка, оказалось не из приятных. Тело болезненно ныло, отчаянно протестуя при одной только мысли о том, что нужно куда-то идти.

Девушка лежала лицом вверх, глядя прямо в чёрное, клубящееся тучами небо. В воздухе стоял отвратительный, металлически-кислый запах, настолько сильный, что Агате тотчас же стало дурно.

«Сила Лесов... да ведь я под Смертным Ливнем!» – с ужасом подумала она.

Крупные ядовито-желтые капли, точно стрелы, метили ей прямо в глаза. И, не долетев до вожденной живой мишени, бессильно скатывались по невидимому щиту, закрывавшему девушку-Дану с головы до ног.

Чары Арка оказались всё-таки сильнее... по крайней мере сейчас.

Агата заставила себя встать. И удивилась, мельком глянув на себя: заклинание Верховного мага не только перебросило её под Ливень, не только защитило от неминуемой гибели, оно ещё и изменило её одежду. Вместо серой хламиды рабыни – удобная куртка из мягкой кожи новорождённого лосёнка, просторные брюки, заправленные в высокие сапоги. Оружия при ней, правда, не было. Да и то сказать – какой меч (кроме разве что Иммельсторна) она может противопоставить такому чудищу, как Хозяин Ливня?

Не было при ней и никакой еды. И ничего, чтобы разжечь костер – хотя какой огонь выживет здесь, среди мокрой гнили? Очевидно, в Арке рассчитывали, что с делом своим она справится быстро... или столь же быстро погибнет.

Куда идти дальше, она не знала. Даже Верховный маг Арка не мог пробиться своим чародейством под непроницаемый покров Смертного Ливня. Оставалось надеяться, что Хозяин где-то неподалёку...

С минуту она поколебалась, размышляя, могут ли сейчас мэтры Красного Ордена видеть то, что с ней происходит. Решила, что едва ли – тогда бы они вполне смогли справиться с чудовищем сами, без её, Дану, помощи, и пошла куда глаза глядят.

Кругом под хлещущими бичами Смертного Ливня корчился лес. Все живое попряталось, не высываясь наружу без крайней на то нужды. Ливень без пощады уничтожал плоть людей, Дану, гномов, эльфов, пожирал всяких упырей и иную Нечисть, сотворённую при помощи магии или магией пользующуюся, но простых лесных тварей он миловал, хотя ожоги оставлял.

Агата плелась сквозь дикую чащобу, перебираясь через поваленные стволы, прыгая через непонятно откуда взявшиеся рытвины, обходя жуткого вида чёрные ямы, покрытые громадными пятнами чёрно-розовой плесени. Куда она идёт, девушка не знала. Но надо было двигаться. Это она чувствовала. Иначе – смерть.

Здесь, под Ливнем, казалось, царил вечный полумрак, словно летним вечером. Солнце не могло пробиться сквозь плотную пелену, ни единого его лучика не проглядывало сквозь несущуюся броню туч. И тем не менее Агата ощущала его. Солнце только-только поднялось над горизонтом. Разгоралось утро.

Вскоре удалось выбраться из овражистых буреломов на более-менее ровное место. Деревья поредели; и, едва взглянув на одно из них, Агата чуть не вскрикнула от удивления.

Ей повезло набрести на островок чудом уцелевшего Друнга, Леса Дану.

Auanno, Drquitti, Atmilla... Агата повторяла имена деревьев, словно имена родичей, подруг. Просто стояла и повторяла. Хотелось заплакать – но слёзы, похоже, навсегда остались там, в забытом детстве. Хотелось прижаться к морщинистой коре стволов – но заклятье Верховного мага хранило Дану лучше её самой, не давая слабой плоти коснуться напоённой Смертным Ливнем поверхности.

И всё-таки это был Друнг. Деревья узнали её, пусть даже и под покровом чуждой, ненавистой хумансовой магии. Агате чудилось – она слышит невнятное бормотание, обращённые к ней голоса; неосознанно потянулась вперед – зачерпнуть сосредоточенной под корнями деревьев Силы, пусть даже этой Силы не хватит даже затеплить лучину.

Агату никто и никогда не учил магии всерьёз. К моменту её рождения величайшие волшебники народа Дану уже пали в безнадёжной борьбе с Радугой; их ученики шли в бой, едва освоив пару-тройку заклятий. И, конечно же, гибли, гибли, гибли...

И сейчас девушка *потянулась* за Силой так же естественно, как умирающий от жажды тянется к воде. Может, сказались наложенные чары. Может, беснующийся вокруг Смертный Ливень. Но, так или иначе, Агата ощутила, что на миг сделалась единым целым с этой небольшой рощицей, прочувствовала каждый корень и каждый трепещущий под ударами злых капель ещё не сорванный осенью лист. Она сама сделалась деревом, раскинула руки-ветви, облако волос стало листвой, пальцы ног – корнями.

Мгновение растянулось на годы. Деревья говорили с ней, поверяя свои боль и ужас; она видела рассеянные тут и там среди моря мусорных хумансовых лесов клочки Леса Истинного, Леса Дану. Она уходила в прошлое, когда великая держава её народа тянулась на много дней пути, когда лесные города соединяли едва приметные тропки, по которым двигались караваны, когда никто и слыхом не слыхивал о дремавшей на Дальнем Юге беде...

Так длилось до мига, пока связь не оборвалась.

Это было точно удар огненным хлыстом. Агата скорчилась и заскулила, точно побитая собачонка. Кошмар окружающего мира навалился тяжким, невыносимым бременем. Не было никакой державы Дану, жалкие остатки некогда великого народа доживали свой век, попрятавшись в самых дальних, глухих уголках Бросовых земель. А сама она, с рабским ошейником на горле, выполняла безумный приказ безумного мага безумной хумансовой расы...

Внезапно, резко и зло взвыл ветер. Струи Ливня с новой силой хлестнули по возведённой магами Арка защите: разбиваясь, как о стекло, они желтоватыми потоками сбегали вниз. Деревья испуганно пригнулись. Вся собранная Агатой сила исчезла мигом подобно подхваченному ветром прелому листу.

Она знала! Она знала!..

И потому ничуть не удивилась, заметив появившуюся среди стволов громадную фигуру Хозяина Ливня.

* * *

И снова я, заточённый в подземельях храма Хладного Пламени, продолжаю свои хроники. То, что творилось сейчас во всем Северном Мире, я могу назвать не иначе как кошмаром. Все надёжные, многожды проверенные скрепы рвутся. Давным-давно установленное и устроенное изменяется, обращаясь в полную свою противоположность.

Козлоногая тварь из Тьмы внезапно обнаружилась там, где я меньше всего её ожидал, под Хребтом Скелетов, и притом на пути у очень милой компании, которой мне уже довелось помочь, когда они только прорывались ко входу в гномьи шахты. Дорогу туда мне открыло отчаяние девушки – Тави. Я воочию, несмотря на бушующий Смертный Ливень, увидел и чёрный зев подземного зала, и искажённую дробящей душу яростью морду козлоногого, и даже трепет слезинки в уголке глаза Тави.

За козлоногой тварью крылась такая Сила, что даже я отступил, невольно прикрывая глаза ладонью. Мне показалось, что эта Сила – сила Тьмы... Однако почти мгновенно я понял, что ошибаюсь. Тьма была всего лишь одной из магических субстанций нашего мира, а скорбный собственный опыт уже давно отучил меня с предубеждением относиться к ярлыкам и названиям. Пусть даже громким и страшным.

Тьма... нет, что-то иное стояло за этим созданием, пусть даже и облачённым в тёмное. В последний миг мне удалось отвести удар и спасти девочку, но, похоже, её спутника постигла печальная участь. И теперь мне остается только попытаться отыскать её в лабиринте гномьих тоннелей, отыскать и вытащить на поверхность, только её одну, потому что третий их спутник, гном, бесследно исчез. Он не погиб, он просто скрылся где-то в недрах Хребта Скелетов, в паутине подземных ходов, которые, конечно же, знал куда лучше, чем люди знают пять своих пальцев.

Узел тайны затянулся до последнего предела. И было от чего впасть в отчаяние – даже мне. Я не смог удержать сцепившиеся друг другу в глотку силы. Чудовищное возмущение магических потоков закрыло от меня имперскую столицу, Мельин. Я больше не мог видеть, что там творится, и готовился к худшему.

Только теперь становится до конца понятной наложенная на меня кара. Чувствовать, знать или хотя бы догадываться – и не мочь ничего изменить, бездеятельно ждать, выплески-

вая всё наболевшее на пожелтевшие страницы летописи – короткими, кинжальными строками хроник.

И ещё – ждать, пока горе, ужас, отчаяние или даже смертные муки кого-то из бродящих по земле малых сих, на которых остановился мой взор, не позволят мне вырваться из каменной кельи, что глубоко, глубоко под фундаментами хвалинского храма Хладного Пламени...

* * *

Сидри шел, блаженно улыбаясь собственным мыслям. Дело сделано! Дело сделано! Он уже ясно видел благоговейные физиономии членов Каменного Престола, когда он, Сидри Дромаронг, внесет в потайной покой величайшее сокровище своей расы!..

«Ну а волшебница и воин... что ж делать. – Сидри не сожалел о погибших спутниках. – Чародейство не ошиблось, они столкнулись с такой мощью, что ни Тави, ни даже десятку таких, как она, было б не под силу справиться с этим врагом. Они знали, на что шли, они – наёмники Каменного Престола, и твоя помощь, Сидри, их бы всё равно не спасла. Ты просто погиб бы рядом с ними, и всё. Погиб, не добравшись до заветной друзы. Так какой смысл героизмствовать? Что? Честь? Твоя, Сидри, честь – ничто по сравнению с жизнью Подгорного Племена. Если Каменный Престол требует, чтобы ты пожертвовал своей честью, – что ж, ты сделаешь это. Тем более что невелик и грех – Тави была хумансом, их гномы ненавидели, пожалуй, даже сильнее, чем эльфов и Дану. А Вольные... Вольные – предатели, в своё время они отказались помочь Подгорному Племену в их войне с людьми... так что совесть пусть замолчит и здесь. Двумя опасными врагами стало меньше – успокойся, Сидри, по всем канонам, ты совершил доброе дело. Теперь остались сущие пустяки – выбраться наружу. Точнее – выбраться достаточно высоко, чтобы никакие крысы или иные чудища не потревожили тебя. И там, в заранее обусловленном, другими посланцами Каменного Престола подготовленном месте, ты спокойно дождёшься окончания Смертного Ливня.

Всё хорошо, Сидри. Всё хорошо, ты понял это? Забудь о Вольном и Тави. Забудь навсегда. Когда оружие ломается, ты либо чинишь его, либо делаешь новое. Это оружие тебе уже не починить, так что забудь о нем. Думай о награде, ожидающей тебя по возвращении... или, ещё лучше, о том, как армии твоего народа, неся позади своих рядов Драгнир, заключённый в несокрушимый каменный ковчег, ломают и опрокидывают людские рати, как оцетинившийся копьями хирд давит остатки имперских легионов у стен Мельина и как потом они, гномы, диктуют всем остальным, как будет теперь устроена жизнь на отвоёванных у хумансов землях Северного Мира».

Ему повезло. Можно сказать, невероятно повезло, потому что магия Драгнира, ничуть не ослабевшая за века вынужденного заточения, показала ему тщательно замаскированную – даже от зоркого взора гнома – потайную дверь. И теперь Сидри поднимался совсем иным путем, нежели тот, которым он вёл своих спутников вниз. Все правильно. Из любого тайного места гномы всегда вели несколько коридоров. И потому сейчас на его пути не встречалось и десятой доли того, что довелось им испытать, пока они пробивались вниз. Вот только крысы... Иногда гному казалось, что он чувствует их запах, кислый, чем-то схожий с запахом Смертного Ливня. И тогда он с замирающим сердцем клал руку на гладкий эфес Драгнира, чувствуя, как чудомеч оживает в ответ на его прикосновение, готовый к немедленной схватке, истосковавшийся по крови и жизням врагов...

Но угроза всякий раз обходила его стороной.

Ещё Сидри несколько заботил убитый сдвинувшимися камнями священник. Гном достаточно разбирался в магии, чтобы понять – это *смерть вторичная*, безвозвратная, смерть не только тела, но и души. А может, даже и не смерть, а что-то ещё хуже смерти. Хотя что может оказаться хуже смерти, практичный и расчётливый гном представить себе не мог. Смерть же

вторичная слыла такой штукой, с которой не следует шутить даже самым искусным магам. Кто знает, во что перевоплотится погибшая душа, в какое страшилище? Всё о прошлой жизни, конечно, забудется (потому-то это и зовётся смертью), останется лишь неутолимая, вечная жажда мести всему живому. Поговаривали, что такие бестии способны были отыскать обидчиков где угодно, даже за гранью смерти обычной.

Впрочем, гномы не такой народ, чтобы их легко можно было испугать призраками. Когда тревога становилась до неприличия сильной, Сидри лишь покрепче стискивал гладкий, холодный эфес Алмазного Меча.

Он шёл длинными извивами винтовых лестниц. Шёл в полной тьме, на ощупь; факелы ему заменяло дивно обостренное Драгниром чутьё.

Путь вверх оказался куда как длинен. Тайная дорога потому и была тайной, что вела в обход всех сколько-нибудь крупных залов, мастерских и копей.

Сидри шагал и дивился. Быть может, сумеет он раньше отыскать вход в эту галерею, им бы не пришлось пробиваться вниз силой, с такими трудами и потерями. Но... тогда тайна стала бы известна и его спутникам. Быть может, он, Сидри, ещё мог бы положиться на слово Вольного – но вот Каменный Престол не положился бы никогда. Тем более они никогда бы не потерпели проникновения в тайну Алмазного Меча девушки-волшебницы. Дитя человеческой расы не смеет касаться гномьих святынь. А то она... с её-то проницательностью... могла и догадаться кое о чём. Например – хотя бы приблизительно! – о том, что есть Драгнир и на что способна заключённая в нём мощь.

Нет, Тави должна была погибнуть. И унести с собой всё, что знала. А кроме того, сэкономить Каменному Престолу изрядную сумму денег – из тех, что пришлось бы выплатить ей по завершении миссии. А кому, как не Сидри, было знать, каким трудом достаются гномам тяжёлые золотые кругляшки имперской чеканки! Согнанные со всех мало-мальски крупных золотых приисков, лишённые доступа к жилам, гномы вынуждены были пробавляться самыми бедными рудами, которыми раньше побрезговали бы даже алчный гоблин или кобольд. Но и в этом случае Каменный Престол, по крупицам копя золото, не осмеливался подделывать монеты Империи. Разумеется, подземным мастерам ничего не стоило бы воссоздать форму, причём так, чтобы даже на монетном дворе ничего бы не заподозрили... но их несравненное искусство ничего не могло сделать против магии Радуги. Волшебники Семицветья пристально следили за полновесностью ходившей в их владениях монеты, и ещё каким-то образом они всегда знали, где она отчеканена. Трупы фальшивомонетчиков, болтавшиеся на косых крестах возле самых оживлённых перекрёстков неподалёку от Мельина, были куда как красноречивы.

Всё золото гномам шло от торговли. А уже имперские купцы, разумеется, всегда брали товары подземных обитателей по дешёвке. Даже полудрагоценные камни, милостиво оставленные «на поживу» гномам. Что же говорить о железных крицах или полуобработанных заготовках! Разумеется, о том, чтобы ковать на продажу *оружие*, и речи быть не могло.

Ну что ж, значит, он, Сидри, сделал вдвойне доброе дело. Сколько пришлось надрываться его соплеменникам, чтобы добыть те самые золотые имперские кругляши, которыми Тави и Кан-Торго надеялись получить свою плату! Сколько пролито было пота, сколько пришлось перелопатить бедной, полупустой руды, сколько пережечь угля, чтобы в конце концов казна Каменного Престола стала хоть сколько-нибудь полнее! Сидри без преувеличения считал, что выпускать из рук просто так хоть одну доставшуюся таким трудом монетку – не что иное, как преступление.

Он поднимался молча, лишь изредка позволяя себе краткий отдых. Гномы могут подолгу обходиться без пищи, правда, возмещая сие неумеренным обжорством, как только представляется возможность. Потом, когда кончится Ливень, он выберется наружу. У него окажется фора в несколько дней, пока добытчики из Хвалина и даже пережидающие Ливень в Главном Чертоге гномьего королевства наконец рискнут высунуть носы из своих убежищ.

Всё хорошо, Сидри...

Галерея закончилась крошечной квадратной камерой – тупиком. Гном засветил один из немногих оставшихся у него факелов, несколько мгновений осматривал её, сосредоточенно посвистывая, а затем нажал на едва заметный выступ, притаившийся в дальнем углу как раз на высоте его, Сидри, глаз.

Послышался глухой скрежет. Несмотря на прошедшие годы, сооружённый гномами механизм работал безупречно. Плиты одной из стен начали расходиться; гном поспешил нажать на скрытый рычаг вторично, боясь пустить внутрь капли Смертного Ливня. Каменные ставни послушно сомкнулись.

Натёкшую лужицу ядовито-желтой жижи гном долго и тщательно забрасывал каменной крошкой. Ему вновь повезло – галерея открывалась в один из древних наблюдательных пунктов, разбросанных по южным склонам Хребта Скелетов. Теперь оставалось только спуститься вниз – не по лестнице, а по скале.

Как только кончится Ливень.

* * *

Бешеный бег сквозь тьму. Ноги сами несли Тави, несли неведомо куда, повинуюсь только одному приказу – вперёд и вверх. Горы послушно раскрыли перед ней свое чрево, она мчалась по запутанным тоннелям, не думая, не запоминая дороги, влекомая одной лишь мыслью – подальше от явившегося из мрака чудовища.

...Остановилась она, лишь когда совсем выбилась из сил. Мрак навалился со всех сторон удушающей массой, и только сейчас Тави поняла, что всё время, пока бежала, она оставалась в абсолютной, непроглядной тьме без малейшего проблеска света. И при том каким-то чудом умудрилась ни разу не споткнуться и ни на что не налететь. Сейчас, когда унималось бешеное биение сердца, она уже могла припомнить – вся паутина тоннелей предстала ей в каком-то неярком сером свете, угасшем, как только она остановилась. Кажется, сейчас она на какой-то развилке... Девушка ошупью добралась до стены, села. Зверски хотелось пить, пришлось свернуть голову сберегавшейся на чёрный день фляжке.

Вода тяжёлыми глотками катилась вниз по горлу. Тави усилием воли сдержала готовый вот-вот прорваться панический страх – она одна, заблудившаяся во тьме неведомых переходов, где и сами гномы не ходили без света, что она станет теперь делать, на самом краю неотвратимой гибели?

«Ты волшебница, моя дорогая. Ну так и поступай соответственно».

Заплечный мешок был цел, на месте оказалось и оружие (хотя, когда ТАК улепётываешь, во все лопатки, не диво остаться и без штанов); самое же главное – глубоко внутри тлела негаснущая искорка магии, то, что дает жизни волшебника и цель, и смысл.

«Ну-ка, хватит сидеть, – прикрикнула на себя Тави. – За работу, подруга! Надо... надо отыскать... Кан-Торога...»

Каждое последующее слово давалось всё тяжелее и тяжелее. Неужели ей придётся вновь спускаться вниз, туда, где её, наверное, уже поджидает козлоногий?.. При одной мысли об этом сделалось дурно. И хотя Тави тотчас же обозвала себя всеми мыслимыми и немыслимыми словами, помогло это слабо.

«Трусиха! Ничтожество! Дрянь!»

Однако коленки всё равно дрожали. Мощь магии козлоногого явно на голову превосходила силы Тави; открытого боя ей не выдержать. Если б не та невесть откуда пришедшая помощь, она бы уже была мертва... точнее, хуже, чем мертва.

Но бросить Кана непогребённым – значило оскорбить, гибельно унизить не только погибшего друга, но и всю расу Вольных, принявших в своё время Тави, учивших её, кормивших

и защищавших. Человек по крови, Вольная по духу – и до конца дней своих ей пребывать в этой мучительной раздвоенности.

Конечно, будь на её месте Кан-Торог, он не колебался бы ни секунды, призналась себе волшебница. Не думая об опасности, он пошёл бы искать её тело – чтобы похоронить так, как положено, или погибнуть.

И не важно, что при этом он сам наверняка бы погиб. Вольные очень плохо умеют отступать.

И куда, во имя всего святого, делся Сидри? Гном всё время держался рядом с ней, а потом как-то разом, внезапно, исчез. Козлоногий что-то говорил об этом... но мог запросто и соврать. Сидри не праздновал труса, он дрался наравне со всеми и не показывал спины... едва ли его так просто испугала горящая тьма, принявшая облик исполинского пещерного дракона.

Значит, надо отыскать ещё и гнома. Тави тяжело вздохнула, нащупала мешок и потянула за тесьму.

Не всегда новые способы лучше старых. После того как дедовская предметная магия несколько раз сработала там, где спасовало волшебство куда более современных систем, Тави отчего-то больше доверяла сейчас засушенным корешкам и мышинным лапкам, чем сосредоточению, концентрации и *визуализации*, как говаривали маги Радуги.

Потратив самую малость Силы, чтобы засветить отщеплённую от факела лучинку, девушка принялась раскладывать на полу запасенные ингредиенты.

Потом пришлось долго и нудно вычерчивать концентрирующую пентаграмму. Пыхтя, Тави вымеряла углы – горе тому волшебнику, у кого линия хоть на волос отклонится от *истинного* положения, того единственного, в котором уравниваются магические потоки!

...А тут ещё вдобавок – неровный пол, выбоины, трещины и тому подобные сюрпризы. Решение задачек «на неровности» относилось к числу наименее любимых Тави занятий. Больше, чем их, она не могла терпеть только благотворительность.

Когда она, вся взмокнув, наконец обессиленно привалилась к стене, в глазах у неё всё плыло от напряжения, ныла перенатруженная спина. Зато пентаграмма – восхитительная, несравненная пентаграмма, учитывая условия, в каких пришлось её чертить! – была готова, и чашечки с ароматическими смолами стояли в остриях лучей, и специально подобранные композиции кореньев и камней – в основаниях, и аккуратно расщеплённые надвое свечки – на главных пересечениях, Наставник мог бы ею гордиться.

Теперь дело за малым – отыскать козлоногого. И Сидри. И... мёртвого Кана. Если чудище уже убралось из того зала, где разыгралась схватка, Тави спокойно спустится.

Без кремня и огнива, сами собой, затеплились свечи. Мягкие огненные язычки скользнули по сложенным в чашки благовониям. Весь этот обряд был, кстати, отнюдь не шаманством, не подделкой или подпоркой для начинающих колдунов, ещё не умеющих сосредоточиться в должной степени. Тави чувствовала, как вся эта, на первый взгляд такая нелепая, бутафория и в самом деле *цепляется* за какие-то неведомые, глубинные ответвления потоков магических Сил; цепляется, тащит их на поверхность, заставляет повиноваться беззвучным приказам легионы странных, обитающих в толще скал неразумных существ; и как эти легионы, подстёгиваемые невидимыми бичами, послушно приходят в движение, растекаясь по истощённым рудным жилам, скользя по едва-едва заметным, тончайшим водным ниточкам, пронизывающим скалы; спешат, торопятся, бегут, выполняя пока ещё не её, Тави, приказы, но повеление заключённых в пентаграмме куда более могущественных сил. При попытках проникнуть глубже в суть этих иерархий Тави почти мгновенно становилось дурно. Она не понимала, почему столь примитивные приёмы неожиданно оказываются на удивление действенны, почему предметная магия, магия пришепётываний и заговоров, бессмысленных обрядов и ещё более бессмысленных ритуалов сплошь и рядом оказывается сильнее магии утончённой, магии мысленной, опирающейся лишь на дар и способности самого волшебника...

Тем не менее древнее заклинание Поиска под Твердью сработало на славу. Тави почувствовала одного из своих спутников. И, увы, Кан-Торог был мертвее окружающего девушку камня. Опалённое подземным огнём тело так и осталось лежать возле стены огромного зала, где Вольный принял свой последний бой.

А Сидри? Где он? Перед мысленным взором Тави огненно-алым светом пылала обнажившаяся на краткое время сеть тоннелей, залов и переходов; гнома нигде не было. Ни его самого, ни его тела. Он исчез, исчез бесследно, как будто сама Тьма поглотила его, обратив в часть себя.

Козлоногого, кстати, тоже нигде не было видно. Громадный зал, где разыгралась трагедия, оставался пуст. Сейчас Тави видела его весь, от края до края – ничего необычного. Тьма куда-то попряталась, Псы скрылись, и нигде ни малейших признаков того Тёмного Стража, с которым они сражались.

Только одинокое тело Кан-Торога. И зажатый в руке Вольного меч.

Тави тяжело вздохнула. Похоже, их предприятие закончилось полным провалом. Кан убит, Сидри сгинул бесследно – наверное, утащен слугами козлоногого... ведь, даже испугайся он и сбеги, Тави увидела бы его след.

Нет, об их миссии пора забыть. И думать о том, как выбраться отсюда самой. И как рассказать обо всём Кругу Капитанов.

Но прежде всего следует похоронить Кана.

Тави вновь вздохнула и погасила заклетье. Надо идти вниз. Дорогу она отыщет – волшебница она в конце концов или нет?

* * *

Патриарх Хеон мог быть доволен. Снадобье Ланцетника действовало надёжно. Можно сказать, било наповал, лишая силы даже самые мощные заклетья Радуги. Пращники из личной охраны Патриарха забросали башню магов тлеющими свёртками с искусно составленной смесью множества трав – дым напрочь отбивал у волшебников способность колдовать. А потом искусно разогревший толпу Марик взял башню приступом. Разумеется, первыми пробившимися внутрь (но отнюдь не polegшими в рукопашных схватках с ошалевшими от всего случившегося защитниками) были не уличные оборванцы – тем достались пленницы, – а люди Патриарха. Очень быстро и решительно наложившие лапу как на денежный ящик магов, так и на весь арсенал волшебных средств. Ланцетник и его помощник гном не теряли времени даром, торопясь выпотрошить захваченную башню. Все отлично понимали, что маги очень, очень скоро опомнятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.